

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-4-296-297

ПЯТЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

2 июня 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялся пятый научный семинар «Русская литература в советскую эпоху». Открывая заседание, Н. А. Прозорова (Санкт-Петербург) провела презентацию сборников, подготовленных Центром по изучению литературного наследия советской эпохи и вышедших в свет в последнее время: «Литературный архив советской эпохи. Кн. 2: Сб. статей и публикаций» (СПб.: Росток, 2020) и «Литературный архив советской эпохи. Кн. 3: Сб. статей и публикаций» (СПб.: Полиграф, 2022). В изданиях исследованы неизвестные материалы из государственных, частных и зарубежных архивов, малодоступных фондов и забытых источников.

Доклад «Военные стихи М. А. Зенкевича: темы и образы» Т. В. Игошевой (Санкт-Петербург) представлял собою аналитический обзор военной лирики поэта, часть которой не опубликована и хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 773). Докладчица напомнила, что в октябре 1941 года поэт был эвакуирован в Чистополь, но вскоре по вызову Политуправления Красной Армии возвращен в Москву, где выступал на радио, сотрудничал с журналом «Интернациональная литература» и выезжал на фронт с писательскими бригадами. Автор сообщения условно разделила поэтические тексты Зенкевича, написанные во время Великой Отечественной войны, на три группы. К первой группе отнесены стихотворения, напечатанные поэтом в периодике того времени и отмеченные пафосом героического противостояния врагу (например, «Не загорюем, не заплачем...», 1942). Вторая группа включает в свой состав лирику, которая опубликована «с запозданием», начиная с «хрущевской оттепели» («Найденыш», 1945; опубл. в 1955 году) и позднее («У двух проталин», 1942; опубл. в 1991 году). К третьей группе текстов относятся неопубликованные произведения, в которых изображается «изнанка» войны, звучат пацифистские ноты, появляется мотив единборства человека со смертью, которое уподоблено атакующему врагу и обороняющемуся солдату («Ложь войны», 1940; «Эвакуирован... Какое слово...», 1942; «Проснулся ночью. Не могу...», 1943). Самым крупным неопубликованным произведением Зенкевича стала поэма «К Сталинграду от Танненберга» (1943), признанная секцией поэтов Союза советских писателей «ошибочной в самом замысле». Тема жизни и смерти, присущая лирике военных лет, осмыслена поэтом с общеполитических позиций в русле аллегорического сюжета об азартной игре («Два игрока», 1944) и женского образа-символа смерти («Гостья», 1944; «Ночная встреча», 1945).

В докладе «Двойной эпитафии к поэме „Твой путь“ О. Ф. Берггольц: уяснение смысла» Н. А. Прозорова рассказала об эпитафии, который при жизни поэтессы не публиковался и впервые был обнародован в 1989 году. Первую позицию эпитафии занимает библейская цитата из 136-го псалма, начинающегося словами «Аще забуду тебя, Иерусалиме...»; вторую — строка «Умри — и стань!» из стихотворения «Блаженное томление» И. В. Гете. Докладчица показала, что библейская цитата являлась для поэтессы прецедентным текстом и жизненной установкой задолго до написания поэмы. Блокадный Ленинград осмыслился поэтессой как «ленинградская Иордань». Этот образ (позднее исключенный редакторами) указывал на семантическую связь библейского эпитафия с текстом поэмы. Берггольц моделировала единое духовное пространство: «Иерусалим» — «ленинградская Иордань»; приобщение к водам священной реки означало усвоение горького блокадного опыта. Одновременно Берггольц выстраивала вертикальный контекст: воды Иордани символизировали возрождение (крещение) к новой жизни, открытие человеком самого себя. Образ ленинградской купели, по мнению докладчицы, коррелировал с эпитафией из Гете, в которой тема инициации заявлена эксплицитно. Изречение Гете «Умри — и стань!» стало формулой жизни для поэтессы со времен репрессий («по делу Авербаха» (1937). Двойной эпитафия задавал философскую перспективу поэме «Твой путь», но редакторское вхождение (исключение эпитафия и строки о «ленинградской Иордани») разрушило связь заголовочного комплекса с финалом поэмы и обеднило рецепцию поэмы читателем-современником.

Доклад М. В. Мишуrowsкой (Москва) «„Дни Турбиных“ в Берлине: новые материалы о спектакле В. О. Тубенталь» был посвящен восприятию участниками Белого движения инсценировки романа М. А. Булгакова «Белая гвардия», выполненной В. О. Тубенталь в «Neues Theater am Zoo» в 1928 году. Докладчица определила специфику изучения данной темы отечественными исследователями и обозначила аспекты восприятия булгаковских романа и пьесы через перенесенный на сцену литературный сюжет о Турбиных, инсценированный полупрофессиональным «кружком артистов и любителей». Опираясь на архивные источники — дневник А. А. фон Лампе и его переписку с П. П. Скоропадским и А. П. Кутеповым, — Мишуrowsкая показала, что литературный сюжет, отразивший реальные исторические события и заявляющий о своей — художественной — правде, стал поводом к разногласиям в среде берлинской колонии. Фон

Лампе увидел в «Днях Турбинных» лейтмотив «белой идеи», выраженный в бескорыстном служении родине. Скоропадский рассматривал выведенный на сцену сюжет как организованную против него «публичную дискредитацию». Общим фактором восприятия романа «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбинных» выступало настороженное, а то и вовсе негативное отношение военных-эмигрантов к театрализации реальных исторических событий, не утративших в сознании представителей Белого движения своей политической значимости.

М. М. Гудков (Санкт-Петербург) в докладе «Пьеса С. М. Третьякова „Рычи, Китай!“ на Бродвее как китайско-американский „инцидент“» остановился на самом известном «китайском тексте» драматурга и рассказал о его адаптации к американской сцене. В основу пьесы Третьякова был положен ваньсяньский инцидент 1924 года или «случай с „Кокчефером“»: гибель американского торговца в результате ссоры с китайцем-лодочником и последовавшая за этим событием казнь двух китайцев по требованию капитана английской канонерки «Кокчефер». На советской сцене пьеса была поставлена в Государственном театре имени Всеволода Мейерхольда и оставалась в репертуаре в течение шести лет. Она шла в Германии, Австрии, Польше, Норвегии, Англии, Аргентине и в самом Китае. На американской сцене пьеса появилась 27 октября 1930 года в бродвейском театре «Гилд» в постановке поклонника режиссерского мастерства Мейерхольда Г. Бибермана. В процессе постановки текст «опасной» пьесы Третьякова был значительно искажен, новое название «Рычащий Китай» расставляло иные акценты в историческом конфликте, боевой корабль «Кокчефер» («Майский жук») был переименован постановщиком и носил одиозное название «Европа», финальная сцена пьесы была изменена и дана в сугубо агрессивном тоне и т. д. Коммунистически настроенные американские критики, негодую по поводу искажения оригинального текста, назвали постановку карикатурой на советскую пьесу, а правый лагерь зрителей обвинил театр в пропаганде «крамольных» революционных идей. Таким образом, если в советской России революционность пьесы Третьякова с ее пафосом борьбы против колониализма была органична и естественна, то американская постановка сама по себе стала неприятным «инцидентом» на Бродвее. Бесспорным достижением спектакля «Рычащий Китай», по мнению докладчика, явилась сценография Ли Симонсона, благодаря которой постановка вошла в историю американского театра.

В сообщении «О деятельности Ленинградского оргкомитета ССП: по письмам Н. Г. Свирина 1930-х гг.» А. В. Сысоева (Санкт-Петер-

бург) рассказала об идеологе оборонной литературы, председателе военной комиссии и ответственном секретаре оргкомитета Ленинградского отделения Союза советских писателей Н. Г. Свирине. Различные эпизоды деятельности комитета и отголоски внутрипартийной борьбы налитопостовцев с «Литфронтом» нашли отражение в его письмах к Вс. Вишневскому и А. М. Дмитриеву (например, противостояние М. Ф. Чумандрину, П. Ф. Юдину, Ю. Н. Либединскому и др.). Задачей комитета Свирин считал перевод внимания с «организационной суеты» на творческий процесс, проведение дискуссий и вовлечение в них попутчиков. Он создал в оргкомитете критическую секцию («поставил ее на ногу»); в русле подготовки к съезду оборонной литературы в 1933 году готовил конференцию по прозе и поэтический сборник; предложил план теоретического сборника о методе советской литературы и нашел для него участников (замысел не был реализован). Письма выявляют вклад Свирина в формирование новой литературы и являются ценным эпистолярным источником для реконструкции истории Ленинградского оргкомитета ССП.

В докладе «Поэзия ГУЛАГа: новое „литературное свидетельство“ Е. Л. Владимировой» Е. М. Аксененко (Санкт-Петербург) поделилась архивными разысканиями к биографии лагерной поэтессы Елены Львовны Владимировой (1902–1962), которая находилась в заключении по сфабрикованным обвинениям с 1937 по 1956 год. Докладчица сделала обзор корпуса поэтических произведений Владимировой, обозначила характер исследований «поэзии ГУЛАГа» в целом. Аксененко подчеркнула, что ученые-гуманитарии обращали внимание преимущественно на «синхронное» творчество поэтов (т. е. на тексты, написанные в тюрьмах и лагерях) и в последнюю очередь изучалось «диахронное» наследие (т. е. произведения, созданные после освобождения). В Рукописном отделе ИРЛИ в архиве О. Ф. Берггольд (ф. 870) была обнаружена не публиковавшаяся ранее «Синяя книга» Е. Л. Владимировой. Поэтический сборник составлен автором в конце 1950-х годов и отразил изменения в мироощущении лагерной поэтессы. По мнению докладчицы, тексты утратили присущую «синхронному» творчеству документальность, однако горький лагерный опыт пронизывает всю «Синюю книгу» Владимировой.

В обсуждении докладов приняли участие А. А. Шелаева, Т. С. Царькова, Л. Е. Шахт, Т. И. Ковалькова и др. Участники Семинара выразили удовлетворение состоявшимся обменом научной информацией.